

Ш. Н. Балинов (Франция)

К СТАТЬЕ ГЕН. П. Х. ПОПОВА

Мысль, что Основные Законы ВВД, трудно применимые на чужбине, будто бы, находятся под угрозой искажения или даже „отмены“ не на шутку взволновала многих донских казаков. Поэтому они пожелали выслушать мнение наиболее авторитетных казаков. Невольно раздался голос: „А что думает наш бывший Походный Атаман П. Х. Попов“? ... Донцы словно вспомнили, что твердый по духу и прямолинейный матерой казак Попов, однажды уже спасший честь Дона не на один день не покорившись Красной власти, должен опять подвять свой голос. И они не обманулись: Генерал Попов, много лет скромно молчавший, вдали от эмигрантских дрязг, честным и тяжелым трудом за рабывающую свой хлеб, в нужную минуту подал казакам свой голос. И голос этот полон истины и достоинства. К нему нельзя не прислушаться.

Мне было приказано Президиумом ЦП спешно составить краткую хронологическую статью о событиях на Дону после революции и до выхода нас в эмиграцию. К сожалению, я не мог выполнить это приказание к сроку в связи с моим выездом и хлопотами. Надеюсь это задание выполнить к следующему номеру, если Президиуму ЦП будет угодно повторить свое распоряжение. В данном случае хочу послать хоть пару слов к статье ген. Петра Харитоновича Попова, который из больницы койки, между двумя операциями, нашел возможность ответить на запрос редакции.

Общие причины, вынудившие вообще Казачество вступить в борьбу против северного нашествия, весь ход этой долгой титанической борьбы достаточно выпукло, вот уже три года из номера в номер, излагается в анонимном труде „Трагедия Казачества“, печатающемся в журнале „Вольное Казачество“, а также вообще в литературе казаков-националистов.

Но коренная причина казачьей борьбы, глубокая основа Донской Конституции в нескольких словах, просто, понятно и ярко выражены П. Х. Поповым в вышенапечатанной статье.

Да, — в начале русской революции казачьи воинские части почти одни прикрывали русский фронт, считая невозможным так просто бросить фронт и разбрестись по домам, как это сделали русские части. В этом оказалась одна основная черта казачьего народного характера — сознание ответственности, природная коллективная дисциплинированность.

Да, — Атаман Каледин на Московском совещании огласил свою нашедшую декларацию от имени всех казачьих войск, где он не отделил Казачество от России, на что так напирал сейчас наши противники.

Но также надо помнить, как в те же дни относились русские, сама Россия к казакам. В то время, когда только одни казачьи части защищали внешний фронт, русские „свободные граждане“ ринулись на мирное население Дона разрушать и грабить, как бы в подтверждение лозунга министра Чернова: „Казакам надо потесниться!“. Через несколько дней после патриотической декларации Каледина, Керенский мобилизовал против Дона два военных округа и первого Донского выборного Атамана грубо потребовал к себе для предания суду, на что получил ответ: „С Дону выдачи нет“.

И Донской Круг, в полном согласии с Каледным, в самом начале выявления русскими, своего подлинного отношения к казакам, принял основные Законы Дона, правда, с оговоркой „впредь до“. Но напор России на мирный Дон, неслыханные насилия и кровавые зверства русских „свободных граждан“ при явном потакании российской официальной власти воочию показал и донцам подлинное отношение русских к казакам, и Дон, уже без всяких оговорок, принял свои Основные Законы и объявил свою государственную независимость.

И пусть наши противники (противники казачьего освобождения) не прикрываются именем А. М. Каледина и его декларацией. Эту декларацию, через месяц, как только с оговоркой „подлинное отношение России к казакам, полуаннулировал, приняв Донские Основные Законы с оговоркой „впредь до“.

Нет абсолютно никакого сомнения, что, будь только жив, и до конца познай неизменную суть русского „богоносца“, их чисто звериное отношение к казакам, он непременно выбросил бы свою оговорку и ныне стоял бы рядом с нами националистами, для полной защиты государственной независимости Дона.

Для А. М. Каледина Дон был его вторым — „Я“. Недаром он в торжественную и ответственную минуту заявил: „Себе не изменю, станичник“. Мы глубоко уверены, что Дону он не изменил бы.

Сознание долга, сознание права для таких людей, как Каледин, Назаров, Попов бывает выше всяких соображений, выше даже жизни ...

„Политическое искусство есть искусство управлять; управлять значит каждого поставить на такое место, на котором он может принести наибольшую пользу обществу“.